

**I Всероссийский научный симпозиум «Рясенцевские чтения»
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
16–17 февраля 2023 года**

ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ В СИСТЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЛИЧНЫХ ПРАВ

**Монастырский Юрий Эдуардович
Доктор юридических наук
Партнер Коллегии адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры»,
г. Москва**

В нашем гражданском праве особую роль играет такая фундаментальная цивилистическая категория, как личные неимущественные права, ее развитие, регулирование демонстрируют вполне, что некоторые характеристики правовых явлений могут изменяться или ослабевать. Еще недавно в таком длинном понятии, как личное неимущественное право, акцент ставился на неимущественность, невозможность вовлечения в оборот личных прав. Сегодня такое утверждение все менее оправдано, потому что личные права без их отчуждения вовлекаются в оборот, все шире получает распространение использование имени человека, публичных фигур в коммерческих мероприятиях, музейных выставках, различных презентациях, фестивалях и т. д. За плату обладатели права на свободу передвижения, выбора места жительства могут допустить умаление этих и других нематериальных благ. Нужно вспомнить, что термин «неимущественное право» среди цивилистов XIX века вообще имел иное значение, как отсутствие стоимостного приращения при его реализации, например, в договоре услуг, в этом случае речь идет о праве требования предоставления таких услуг.

Известный профессор Тартуского университета (бывшего Юрьевского университета) Евгений Вячеславович Пассек в 1893 г. выпустил работу «Неимущественный интерес в обязательстве», где критиковал широкое понимание характеристики «неимущественный». Российская цивилистическая традиция заключается в неважности четкой имущественной подоплеки в обязательствах в отличие от других европейских стран. Проект Свода законов Российской империи придает правовое значение любому определенному действию, не связанному со стоимостной оценкой. Термин «неимущественный» имеет то значение, что он сужает возможности для привлечения к ответственности и принудительное исполнение обязанностей, связанных с этими правами.

В литературе встречаются примерно такие писания, что отказ в исполнении в загородном доме музыкальных произведений для тонуса и поддержания настроения нельзя обусловить штрафом, а право требования исполнить эти музыкальные произведения – неимущественное, натуральное его исполнение также невозможно и связано с личностью исполнителя. Поэтому мы, в том числе мои коллеги, видим более точным термин «личное гражданское право», а не «неимущественное личное право». В доктрине предпринималось даже описание слова «неимущественное» такой длинной фразой: неимущественные права связаны с имуществом.

Однако личное неимущественное право вошло в законодательство, но есть примеры, когда, становясь вроде привычным и распространенным словосочетанием, понятия сужаются при принятии новых и новых норм, теряют определенные прилагательные, например, мы знаем термин «реальный ущерб», сейчас для принятия новых норм в ст. 16.1 ГК РФ законодатель применил понятие «ущерб», далее понятие «законный интерес» зачастую в

законодательных актах и при регулировании просто стало «интересом». И, как мы видим, уважаемая аудитория, акцент на неимущественности личных прав вроде сужает применение общей гражданско-правовой ответственности за нарушение субъективных прав, сводя ее к случаям, прямо указанным в ГК, и действительно, для таких неимущественных благ, как честь, достоинство, репутация предусмотрено взыскание убытков наряду с компенсацией морального вреда, и на комментарий о том, что это редкий статутный пример двойной ответственности за одно правонарушение, необходимо сказать, что моральный вред возникает от страданий, переживаний, а убытки – это потери именно в имуществе, хотя и не только, а также в уменьшении ценности субъективного права.

Основная идея нашего выступления заключается в том, что не только ст. 152 ГК РФ дает основания при нарушении личных прав взыскивать гражданско-правовые убытки. Концепция деликтных требований в российском гражданском праве имеет на себе следы теории советского периода, заключающиеся в приоритете возмещения в натуре перед взысканием убытков, об этом гласит формула ст. 1082 ГК РФ. В Кодексе 1922 г. РСФСР в ст. 114 возмещение убытков предусматривалось при невозможности возмещения вреда в натуре. Сегодня трактовка ст. 1082 ГК РФ Верховным Судом заключается в праве выбора средства правовой защиты истца, считаем такое решение неудачным, не основанным на букве нормы. Согласно ст. 307 ГК РФ причинение вреда порождает обязательство исправить, возместить, заменить повреждения, но по концепции ГК требование об убытках не обязательственное, субсидиарное, по общему правилу сочетаемое в области обязательств с другими мерами защиты. По букве ст. 1082, ст. 15 ГК РФ убытки применяются отсылочно вместо обязательства возмещения вреда.

До изложения следующей, если так можно выразиться, особенности регулирования возмещения вреда хотелось бы сделать важную ремарку о том, что целый ряд правоведов стоит на точке зрения наличия дихотомии в нашем концепте об ответственности, о том, что она может быть договорной и внедоговорной, и если она внедоговорная, то непременно деликтная. Названное утверждение некорректно, так как гражданско-правовая ответственность может быть и недоговорная, и не деликтная, например, при отказе заключить договор, предусмотренный в законе, публичный договор, как, кстати, и договор поставки при ведении переговоров, при заключении сделки под влиянием обмана, при злоупотреблении правом, и т. д. и т. п. Таких примеров много.

Именно гл. 59 ГК РФ, принятая в России, как это сказано, применима при причинении вреда имуществу и личности, и это все. Применение этого важного философского понятия «личность» неслучайно, оно уже понятия «лицо», содержит в себе в том числе богословский смысл субъекта, разума, действий, умеющего любить, творить, говорить, испытывать эмоции. При нанесении вреда личности по концепции ГК наступают последствия деликта, спорным может быть вопрос, относится ли к личности свобода передвижения, выбора места жительства, другие нематериальные блага, во всяком случае, конечно, они относятся к лицу, но возникает вопрос о применении при нарушении их именно к гл. 59 о деликтах. Позиция и взгляд на то, что убытки нужно взыскивать вместо морального вреда, давно высказывалась в литературе, Максим Моисеевич Винавер в своей работе «Общая часть учения об обязательствах в Проекте уложения» в 1901 г. прямо об этом говорит.

В российском гражданском праве расширяется и совершенствуется защита личных прав. Поправками в ГК РФ от 02.07.2013 был введен их открытый перечень (п. 1 ст. 150 ГК РФ) из 14 благ. И далее отечественная парадигма мер правового воздействия выглядит следующим образом. Нарушение личных прав влечет компенсацию морального вреда, восстановительные принудительные меры гражданско-правового характера, опровержение ложных сведений, запрет и прочее в случаях, указанных в законе, возмещение убытков. Ну

и сам моральный вред в случаях, указанных в законе, презюмируется и при нарушении имущественных прав.

Далее моральный вред личности (но в перечислении присутствует свобода передвижения, выбора места жительства, неприкосновенность жилища и пр., может быть не относящиеся к личности, это вопрос дискуссионный), индивидууму по концепции ГК РФ порождает деликтную ответственность, к которой применимы все положения общей части по причинению вреда, где мы находим судебную дискрецию в ст. 1082 о возможности вынесения решений о возмещении убытков вместо компенсации вреда. Этому посвящено наше выступление.

Российский законодатель выделил компенсацию морального вреда в качестве особого средства правовой защиты наряду с возмещением убытков и взысканием неустойки в перечне ст. 12 ГК РФ. «Обычный» вред в этом списке не значит, что на первый взгляд позволяет говорить о тождественности этого понятия категории убытков. Однако считаем, что такое суждение будет неверным. Возмещение вреда не вошло в открытый перечень ст. 12, но имеется в ГК – это прежде всего натуральное замещение или исправление повреждения (ст. 1064). Убытки же взыскиваются через отсылку к п. 2 ст. 15 ГК РФ в соответствии со ст. 1082 Кодекса, и это другой охранительный инструмент, который все же не возмещение за утрату и повреждение по гл. 59 ГК.

Важно, что при определении стоимости нравственных страданий суд должен учитывать степень вины причинителя (ст. 1101 ГК РФ). Эта формулировка подразумевает более тесную причинную связь при умысле, чем при легкой неосторожности, в случае с взысканием нематериального ущерба. Вместе с тем в абз. 1 п. 2 ст. 1101 Кодекса есть следующая фраза: «...в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда...». Выходит, если ущерб здоровью, повлекший смерть, причинен автомобилем (источник повышенной опасности) умышленно и если наезд был случайным ввиду плохой видимости, степень вины не имеет значения. Очевидно, в первом эпизоде это просто убийство, а во втором – трагическое стечение обстоятельств, но размер положенного возмещения будет одинаковым. А при намеренно плохом оказании потребительских услуг в сфере общественного питания, повлекшем вред здоровью, цена взыскания все-таки зависит от степени грубости нарушителя (абз. 2 ст. 151, п. 2 ст. 1101 ГК). Первый пример со всей ясностью демонстрирует, что степень вины – фактор большой значимости именно при определении величины ответственности и при установлении причинной связи убытков и вреда. Безвиновная база обязательства из причинения морального вреда деструктивно влияет на этот институт в целом (подробнее об этом далее).

Категория морального вреда вызывает живой интерес у правоведов. И мы не сомневаемся, что ее ждет дальнейшее развитие. В главных правовых положениях ГК (ст. 151, 1099–1101) установлено, что как минимум при двух условиях: причинении нравственных либо физических страданий – боль, телесное недомогание, переживание; посягательстве на нематериальное благо, т.е. честь, доброе имя, жизнь, здоровье, репутацию, свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, авторство, неприкосновенность частной жизни, жилища, личную и семейную тайну, как и при нарушении имущественных прав, может быть взыскан моральный вред. Таким образом, в соответствии с прямым смыслом только попытка нанесения телесных повреждений, драки легитимизирует возмещение морального вреда, если событие вызвало страдание.

Однако такие требования органы, разрешающие споры, как представляется, у нас вообще не рассматривают серьезно, и это уже отмечалось. Небольшие суммы всегда присуждались и в связи с имущественными нарушениями в широком смысле этого слова, в случаях, определяемых только законом. В частности, к ним относятся результаты

административного либо уголовного преследования, ограничившие свободу истца, нарушение правомерных потребительских ожиданий, непоправимое ухудшение здоровья, покушение на репутацию и т.п.

Получается, что наши правоприменительные органы пока неохотно поддерживают иски о существенном «чистом» нанесении морального вреда. Такое средство правовой защиты особо выделено в абз. 10 ст. 12 ГК. Оказывается, в реальности оно не носит независимого характера, а лишь служит способом защиты в дополнение к таким средствам, как возмещение убытков, вреда, присуждение к определенным действиям, восстановлению положения, существовавшего до нарушения права, и т.п.

Другим пунктом расхождения регулирования и практики, а также повседневной жизни является перечень условий возникновения обязательств по возмещению морального вреда. Он, в отличие от повреждения имущества, здоровья, не всегда установим, его доказывание невозможно и не основано на привычном правовом алгоритме. Истец всегда способен сказать, что он очень страдает и сильно недомогает. В этой связи представляется неразумным устанавливать ответственность за моральный ущерб без вины по двум независимым причинам.

Природа компенсации за переживания и недомогания неизменно штрафная, восстанавливать в этих обстоятельствах нечего, и в то же время денежное возмещение полагается за покушение или нарушение неотчуждаемого нематериального блага, которое в конечном счете все же никуда не девается. Карательный в гражданско-правовом смысле инструмент, оказывается, задействуется, в том числе помимо вины.

Противозаконности без *сифра* не бывает, альтернативные точки зрения демонстрируют изъян правовой логики. Злоупотребление или сама абстрактная возможность безвиновной компенсации, например, из-за неправомерного административного ареста и за правоохранительные ошибки ввиду невозможности знать ключевые обстоятельства будут создавать поток таких требований, если их цена значительная. Поэтому на сегодняшний день мы имеем то, что имеем, – критически низкие суммы возмещения, напрямую унижающие истцов. Будучи в курсе такой практики, добропорядочные участники процесса не станут никогда, как и сейчас, заявлять подобные претензии. Институт компенсации морального вреда не будет развиваться из-за отсутствия необходимой критической массы таких дел и материала как основы предметного обобщения практики высшей судебной инстанцией, дающей импульс дальнейшему научному анализу, изучению вопросов о том, при каких условиях человеческие переживания неизбежно должны производить имущественное наказание обидчика.

В первой части современного ГК РФ в общих его положениях придается особое значение отдельным способам защиты гражданских прав, три из них выражают новую гуманистическую и социальную функцию гражданского права и заключаются в лишении силы властных актов, возмещении убытков, причиненных властными органами, компенсации ущерба их правомерными действиями. Остальные отражают автономию частных лиц, участников имущественного оборота, поэтому они называются «самозащита гражданских прав и возмещение убытков» при любом нарушении прав. Названные статьи являются универсальными, прямого применения без опосредования более специальными правовыми положениями.

Заключение

Сегодня покушение на личность в Европе предлагается считать частью ущерба, а в договорных отношениях – убытков в виде неэкономических или немонетизируемых потерь. Это позволяет исходить не из необходимости доказывания наличия и степени страданий, а из трудно опровержимой презумпции их перенесения. В российском праве, как мы уже упоминали, моральный вред – это вид причинения вреда личности, который, по общему указанию ГК РФ, должен быть доказан. Вместе с тем внимание было обращено на то, что, как и любой вред, моральный может быть заменен по усмотрению суда убытками (ст. 1082 ГК), например, в их разумном размере (п. 5 ст. 393 ГК РФ).

Если будет признано, что потерпевшие вместо моральных стеснений могут требовать возникшие в этой связи убытки в качестве свободного выбора более трудного, но и сильнее действующего средства правовой защиты, это снимет блокировку с притязаний о непосредственно компенсации морального вреда и оживит одноименный институт. Полагаем, что поддержка этого в доктрине и судебной практике сделает институт морального вреда более работоспособным.

Из них ст. 15 ГК РФ: «Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере» всеобъемлющая и нуждающаяся в дальнейшей детализации, например, о том, что убытки, причиняемые правомерными действиями, возмещаются лишь в случаях, предусмотренных в законе, при том, что такие случаи уже урегулированы в ГК, например, при разрешенном выходе из договоров, отзывах произведения, смене коммерческого обозначения и т. п., что возмещение убытков сочетается с другими средствами правовой защиты, и третье, что возмещение убытков может разрешаться при виновном либо безвиновном поведении. Поэтому необходимо учитывать и продвигать позицию о том, что при любом нарушении своих личных прав истец всегда может требовать убытки при наличии таковых в качестве общегражданского правового инструмента защиты только, поскольку, повторимся, моральный вред компенсируется в результате страданий, мук, недомоганий, переживаний, но последние также могут вызвать убытки, например, от потери своего дела, прибыли, в случае наличия ущерба. Такое вариативное применение требования о возмещении убытков частным лицам укрепит российский гражданский правопорядок.

Таким образом, дамы и господа, мы, анализируя законодательный текст и доктрины, обнаруживаем три возможности обратиться к возмещению убытков, когда это прямо предусмотрено: при нарушении личных прав, заключающихся в нематериальных благах, чести, достоинстве, деловой репутации, когда обсуждаемые права связаны с личностью, а это жизнь, здоровье, личная неприкосновенность, авторство, и здесь должна применяться гл. 59 ГК РФ, а в ней ст. 1082, где суду предусмотрена возможность решить взыскание убытков вместо компенсации вреда в натуре, а также просто в силу нарушения любых личных прав на базе ст. 15 ГК РФ. Представляется, что такая диспозиция очень благоприятна для истцов, обладателей этих самых личных прав, которые должны пользоваться по последним стандартам регулирования наибольшей степенью защиты.